

3. Платонов В. Н. Современный олимпийский спорт: проблемы, вопросы, противоречия / Платонов В. Н. // Вестник спортивной науки. – 2004. – № 3 (5). – С. 10 – 15.

СЕКЦИЯ 3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ, ИНТЕГРАЦИЯ И ПРАВОВОЕ ПОЛЕ

ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ БАЛТИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Володькин А. А.

кандидат исторических наук, доцент,
институт истории НАН Беларуси (г. Минск),

Сейчас нередко можно услышать, что региональная интеграция – это такая же угроза национальному суверенитету, как и глобализация, поскольку ее развитие сопряжено с передачей все большей части суверенных полномочий от государств к наднациональным органам интеграционных объединений. Если не вдаваться в детали, именно из таких опасений вырос, например, современный евроскептицизм. И, казалось бы, в наибольшей степени подобные опасения должны быть свойственны малым государствам, которые имеют наименьшие ресурсы для отстаивания своих интересов в наднациональных структурах, а также для государств, которые еще не имеют продолжительного опыта собственной национальной государственности и устойчивых государственных институтов. Но, хотя Литва, Латвия и Эстония начала 1990-х гг. полностью соответствовали обеим этим характеристикам, в своем национальном развитии они сделали ставку именно на активное включение в интеграционные процессы – лозунги «возвращения в Европу» самым тесным образом переплелись в их политическом дискурсе с идеями суверенитета еще со времен борьбы за восстановление государственной независимости на рубеже 1980–1990-х гг.

Практическим воплощением этих лозунгов стал последовательный и твердый курс руководства трех стран на комплексную инте-

грацию в западное сообщество, прежде всего, в такие его ключевые международные институты, как Европейский Союз и НАТО. Объясняя данный выбор, известный исследователь российско-балтийских отношений академик РАН Р. Х. Симонян ссылается на предложенный классиком неореалистского подхода в теории международных отношений К. Уолтцем принцип «примыкания», согласно которому небольшие страны склонны примыкать к более крупным государствам или их объединениям, если выгоды от такого союза значительно превышают связанные с ним издержки [1, с. 37].

Однако, на наш взгляд, такое рациональное объяснение не вполне подходит для этого случая. Анализ многочисленных источников показывает, что в Литве, Латвии и Эстонии поддержка курса на вступление в ЕС и НАТО в гораздо большей степени носила эмоциональный, чем рациональный характер [2, с. 296]. В ее основе лежал почти экзистенциальный страх политических элит этих стран вновь потерять независимость, как это уже случилось в 1940 г., если во внешней политике России опять возобладают экспансионистские тенденции, от которых в силу несопоставимых размеров и потенциала у государств Балтии объективно не было возможности защищаться, полагаясь лишь на собственные силы. Поэтому получение статуса полноправных членов ЕС и НАТО, т. е. фактический переход под опеку коллективного Запада, рассматривался ими как единственная надежная гарантия сохранения национального суверенитета своих стран в долгосрочной перспективе.

Рациональные же соображения получения конкретных выгод стали играть определенную роль лишь на финальном этапе подготовки к вступлению в эти организации. Как отмечает в этой связи директор Института политологии и международных отношений Вильнюсского университета Р. Вильпишаускас, вплоть до конца 1990-х интеграция в ЕС оставалась «проектом политических элит», а широкие общественные дебаты по этому вопросу были инициированы лишь накануне начала подготовки к референдуму о вступлении, когда нужно было мобилизовать поддержку населения [4]. И тут выяснилось, что некоторые из вступительных требований ЕС вызывают недовольство значительных групп жителей Литвы (например, требование закрытия Игналинской АЭС или сокращения

сельскохозяйственного производства в соответствии с квотами стран на общем рынке ЕС). Однако это нисколько не поколебало многолетний консенсус системных политических партий страны по поводу форсирования ее вступления в ЕС, невзирая на издержки. Поэтому не будет преувеличением сказать, что интеграция в ЕС и НАТО стала для политических элит стран Балтии своего рода стратегией формирования собственной коллективной идентичности на основе цивилизационного и геополитического выбора.

Теперь рассмотрим, как эта стратегическая цель влияла на конкретные направления внешней политики государств Балтии. Первоочередными задачами, которые стояли на пути ее достижения, являлись ослабление зависимости от России и смена своего первоначального международного статуса «постсоветских республик» на статус «переходных государств ЦВЕ», аналогичный Польше или Венгрии, т.е. странам, которые хоть и находились несколько десятилетий под советским контролем, сохраняли свою государственность и никогда не были под прямым управлением Кремля. Парадокс заключался в том, что это было одновременно и долгосрочной целью и необходимой предпосылкой интеграции в евроатлантические структуры. Решение данных задач виделось балтийским элитам в закреплении на международной арене своих отличий от государств СНГ. В этой связи показательно принятие в Литве летом 1992 г. особого конституционного акта, который провозглашал любые попытки втянуть страну в какие-либо союзы и объединения с постсоветскими государствами угрозой национальной безопасности и суверенитету [3, с. 13].

При этом основная ставка делалась на концепцию «восстановленной государственности», т.е. всячески подчеркивалась преемственность современных балтийских республик с литовским, латвийским и эстонским государствами, существовавшими в межвоенный период. Такого, пусть и весьма непродолжительного, опыта собственной национальной государственности не было больше ни у одной из республик экс-СССР. И вскоре эта стратегия принесла свои плоды: уже в январе 1992 г. на страны Балтии было распространено действие программы ЕС ФАРЭ, изначально предназначенной для государств ЦВЕ (страны СНГ все без исключения остались в сфере действия программы ТАСИС с гораздо более скром-

ными задачами и бюджетом). Также в первой половине 1990-х гг. форсированными темпами формируется нормативная база отношений Литвы, Латвии и Эстонии с ЕС, в результате чего по уровню институализации этих отношений они очень быстро догнали страны ЦВЕ. В 1994 г. государства Балтии также в числе первых присоединились к программе НАТО «Партнерство ради мира».

Однако на этом возможности «форсированной институализации» отношений с Западом временно закончились. В случае с ЕС получение полноправного членства упиралось в выполнение целого ряда требований по масштабной реструктуризации экономики и адаптации национальных законодательств к нормам европейского права, а также необходимость дождаться завершения институциональной реформы в самом ЕС. В случае с НАТО главной проблемой стали категорические возражения России против распространения мандата этой организации на любую территорию ранее входившую в состав СССР и нежелание Запада обострять из-за этого отношения с Москвой.

Поэтому с середины 1990-х набирает популярность идея интеграции в ЕС и, особенно, в НАТО «с черного хода» – т. е. путем наращивания объемов практического взаимодействия с этими организациями до такого уровня, когда пути назад уже не будет и формальное предоставление членства станет лишь вопросом времени. Одним из основных инструментов этой стратегии становится развитие регионального сотрудничества. Если раньше страны Балтии относились к проектам сотрудничества в регионе Балтийского моря с известной настороженностью, опасаясь, что они будут рассматриваться Россией и Западом как альтернатива предоставления им членства в ЕС и НАТО, то теперь их подходы изменились. Главной причиной этого стало выдвижение Евросоюзом во второй половине 1990-х ряда региональных программ («Балтийская региональная инициатива», программа «Северного измерения»), в которых значительное внимание уделялось подготовке стран Балтии к вступлению в ЕС. Кроме того, получили развитие региональные проекты в военной сфере, объединенные в 1999 г. в программу BALTSEA, которые позиционировались как основной вклад государств Балтии в реализацию программы сотрудничества с НАТО «Партнерство ради

мира». Показательно, что после принятия Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО большинство из этих проектов было прекращено.

Таким образом, в конце XX–начале XXI века интеграция в ЕС и НАТО стала главной стратегической целью внешней политики государств Балтии, на достижение которой были брошены практически все их силы и ресурсы. Все другие направления внешней политики носили второстепенный и подчиненный характер по отношению к этой магистральной цели, которая стала, своего рода, мерной шкалой для их оценки – вплоть до официального вступления в НАТО и ЕС весной 2004 г. отношения с любой страной или международной организацией оценивались почти исключительно в категориях того, насколько они способствовали или препятствовали прогрессу в его достижении.

Теперь попробуем ответить на два вопроса: как фактор евроатлантической интеграции государств Балтии сказался на развитии их отношений с Беларусью и чем интеграционный опыт Литвы, Латвии и Эстонии может быть полезен нашей стране? Для ответа на первый из них вспомним, что страны Балтии стремились всячески подчеркнуть свое отличие от постсоветских республик и тот же литовский конституционный акт 1992 г. определял как угрозу национальной безопасности вступление в любые объединения не только с Россией, но и с другими государствами СНГ. Таким образом, были надолго похоронены все проекты создания Балтийско-Черноморского Союза, активно обсуждавшиеся представителями народных фронтов Украины, Беларуси, Литвы и Латвии в 1989–1991 гг. Как только страны Балтии добились признания своей независимости, их политические лидеры объявили, что видят будущее своих государств вместе со странами Скандинавии, а не с Беларусью и Украиной.

Ухудшение после конституционного референдума 1996 г. отношений между Беларусью и ЕС, к вступлению в который стремились страны Балтии, также не способствовало укреплению балтийско-белорусских связей. Некоторое время литовский президент А. Бразаускас еще пытался выступать в качестве посредника по урегулированию отношений между официальным Минском и Брюсселем, но его преемник В. Адамкус в соответствии с общей политикой ЕС постепенно свернул политические контакты с Беларусью на выс-

шем и высоком уровнях, сохранив лишь рабочее взаимодействие на уровне отдельных министерств и ведомств. При этом на государственном уровне литовское, латвийское и эстонское руководство воздерживалось от жесткой критики действий белорусских властей, наподобие той, что имела место со стороны ряда европейских институтов. Однако в экспертных публикациях и прессе этих стран в начале 2000-х гг. нередко поднималась тема «белорусской угрозы», которую связывали как с абстрактными опасениями «дестабилизации всего региона» вследствие «ухода Беларуси с пути демократических и рыночных преобразований», так и с вполне конкретными вехами развития белорусско-российского сотрудничества, особенно, в военной сфере.

Такая ситуация начала меняться лишь после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в НАТО, ЕС и выдвижения инициативы «Восточного партнёрства». После этого государства Балтии, особенно Литва, меняют свою политику в отношении восточноевропейских стран СНГ и активно пытаются использовать свой уникальный опыт перехода «из Советского Союза в Европейский», чтобы выступить в качестве основных ретрансляторов европейских ценностей и моделей развития на постсоветское пространство. Уделяется определённое внимание и развитию экономического взаимодействия, особенно в сфере транспортного транзита и энергетической инфраструктуры. Так, в 2008 – 2010 гг. прошло несколько раундов трехсторонних белорусско-литовско-украинских переговоров по этим темам.

Что касается вопроса о значении балтийского опыта для Беларуси, нужно отметить два принципиальных момента. Во-первых, наши страны оказались во многом в схожем положении – небольшие государства, зажатые между Россией и коллективным Западом, которые столкнулись с необходимостью выстраивать свой национальный суверенитет в условиях жестких вызовов глобализации и сделали при этом ставку на участие в проектах региональной интеграции. Общей была и идея «возврата», т. е. интеграция рассматривалась скорее как воссоздание прошлого, чем движение вперед – в случае стран Балтии, «назад» в систему европейской политики, из которой их изьяла в 1940 г. «советская оккупация», в случае Беларуси – возврат к не столь отдаленному советскому прошлому.

На этом, однако, общие черты заканчиваются и начинаются различия. Страны Балтии интегрировались в уже сформировавшееся институализированное сообщество со своими нормами и правилами. Поэтому интеграция представляла собой ясную стратегию адаптации к этим нормам и выполнение вступительных требований, на что им и пришлось мобилизовать почти все свои ресурсы. Беларусь же выступила одним из инициаторов реинтеграции постсоветского пространства. При этом принципы и нормы, на которых она должна строиться, не были четко сформулированы. Хотя в программных документах СНГ заявлялось, что постсоветская интеграция должна развиваться по европейскому опыту, в силу преобладания на этом пространстве центробежных тенденций и нежелания политических элит большинства постсоветских государств подвергать дополнительному риску свой только нарождающийся и пока еще весьма некрепкий суверенитет.

Здесь не было создано ни мощных наднациональных структур, как в ЕС, ни единых правовых механизмов (наподобие системы европейского права), которые позволили бы развиваться транснациональным связям. Поэтому сотрудничество осуществлялось исключительно в межгосударственном формате и очень зависело от личных контактов между главами государств. При этом стратегическое видение, столь важное для европейской интеграции, практически отсутствовало, а основные усилия сторон были направлены на достижение кратковременных тактических преимуществ.

Различными были и мотивы участия в интеграции. Для стран Балтии, как уже отмечалось, евроатлантическая интеграция стала, в первую очередь, выбором идентичности, призванным обеспечить их национальную безопасность в долгосрочной перспективе. И ради принятия в «европейскую семью» они готовы были провести в сжатые сроки довольно болезненные реформы по кардинальной реструктуризации экономики. Беларусь же, напротив, рассматривала постсоветскую интеграцию как инструмент сохранения той социально-экономической модели, которая досталась ей в наследство от БССР, и способом отодвинуть необходимость кардинального реформирования экономических и общественных отношений в стране на максимально отдаленную перспективу.

В силу указанных различий провести прямые параллели в реализации интеграционной политики Беларуси и государств Балтии и сделать на их основе практические рекомендации крайне проблематично. И, тем не менее, опыт интеграции Литвы, Латвии и Эстонии в евроатлантические структуры представляется весьма полезным для нашей страны – ведь он наглядно показывает, как политические элиты небольших государств с весьма ограниченным потенциалом, поставив перед собой грандиозную цель и твердо ее придерживаясь, смогли в относительно короткие сроки максимально мобилизовать внутренние и внешние ресурсы (в т. ч. выгодно для себя использовать изменения международной ситуации) и достичь эту цель.

Литература:

1. Симонян, Р. Х. Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса / Р. Х. Симонян // Горизонты экономики. – 2011. – № 1. – С. 33–43.
2. Dragomir, E. Lithuanian Public Opinion and the EU Membership / E. Dragomir // Revista Romana pentru Studii Baltice si Nordice. – 2010. – Vol. 2, № 2. – P. 295–312.
3. Kirkilas, G. Narystė NaTO – politinio konsensuso pasekmė / G. Kirkilas // Lietuva ir NATO: 10 metų kartu / J. Olekas. – Vilnius: Lietuvos Respublikos krašto apsaugos ministerija, 2014. – P. 13–18.
4. Vilpišauskas, R. The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / R. Vilpišauskas // A draft paper for the Eighth Biennial International Conference of the European Union Studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. – Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, 2003. – 22 p.